

Дмитрий
БОЛОТОВ

СЛОНЫ
И ПЕСОК

Дмитрий Болотов

Слоны и песок

«Алетейя»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болотов Д.

Слоны и песок / Д. Болотов — «Алетейя», 2019

ISBN 978-5-907115-70-5

Это вторая книга Дмитрия Болотова (род. 1965 г.). Первая – «Роман Бо» – вышла в 2008 г. Жанр произведений, представленных в книге, с трудом поддается определению. Многие здесь связано с церковью, но эту книгу вряд ли назовешь книгой о церковной жизни в привычном понимании. В целом авторский взгляд обращен на повседневное в широком смысле, и на то, насколько оно пригодно стать предметом литературного описания. В первой книге автор определил свой метод как «хронику падающего бутерброда». Бутерброд в данном случае это и нечто предельно обыденное, и в то же время подсказывающее человеку на каждом шагу что-то самое важное про его участь.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907115-70-5

© Болотов Д., 2019

© Алетейя, 2019

Содержание

Слово на просвет	7
Мученик наблюдения	8
На листках	10
Луна	10
Брызнул	14
Птицы	17
Юра красный	19
Набор	22
Fashion	24
Эпизодический человек	26
Смычка	30
Чебуркуль	32
Пагинсон	34
Пустынность городского клочка	38
Опадет, затвердеет, сожмется	41
Часть первая: опадет	41
Одинаковый звук	41
Съехал	41
Один для другого	41
Рома и Витя	41
Взаимная седина	42
Догулялся	42
От деревьев или цветов	42
Показывает и сравнивает	42
Неподвижно, молча и ревниво	43
Троллейбус	43
В Лавре	43
Миша квасил	43
На тоненькой ниточке	44
Бедный ребенок	44
Побесятся и уснут	44
Девушка ушла	44
В Лавре	44
Мозг усыхает	44
Из Лавры	45
Вторая лужа	45
Она нас убьет	45
Тоненьким голоском	46
Часть вторая: затвердеет	47
Почти немой	48
Стянула носки	48
Деревья выросли	48
Собственник	48
Толя сварил	49
Лябзики	49
Часть третья: сожмется	50

По поводу воды	50
Ромик не тратит, Лелика не берут	50
Говорю: рюкзак	50
Бедный ребенок!	50
От рук белокурых подростков	50
Ой, Сашка	51
Голос подземный	51
Чернели фигуры	51
Таня и Маша	52
Сверчки	52
Видел лыжника	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Болотов

Слоны и песок

© Д. Болотов, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Слово на просвет

В 2008 году вышла книга прозы Дмитрия Болотова «Роман Бо». Книга эта произвела на меня большое впечатление – во-первых, она была чрезвычайно выразительна, лирична и наивна, но вместе с тем изысканна и продумана. Это породило особенный «комплекс доверия», который возникает при чтении стихов по совершенно необъяснимой причине. Вдруг ловишь себя на том, что ты – давно, как только начал читать текст, заодно с сочинителем, – говоришь на одном с ним языке, обитаешь в его пространствах, взираешь окрест его очами, знаешь всех, с кем сталкивается по ходу повествования он. Это вообще-то лирический эффект, им пользуются поэты, говорящие с нами на особенном зыбком языке, когда каждое словесное движение, каждое предложение речи, кажется нам легким и свежим. И все, описываемое таким языком, опознается нами как события нашего собственного существования, о чем мы давным-давно знали, но почему-то не говорили. Это выразительность особого рода – она скрупулёзна и выверена, хотя кажется вольной и случайной. В этом и заключается неразрешимый стилистический конфликт, нервирующий наш читательский слух, делающий каждый прозаический отрывок Дмитрия Болотова одновременно уникальным и обыденным. Этот конфликт не утихает по мере чтения, а становится вектором вовлечения, рифмует и сопрягает совершенно разные бытийные картины, появляющиеся по ходу повествования, в стройный выразительный мир. Такой способ говорения предстает мне анализом совершенно особого рода, не сопрягаемым с логикой привычного рассказа или повествования, но выявляющем очень тонкие и необходимые искусству вещи, – в первую очередь – точность и трепет, без которых невозможно настроить читателя на согласие и отзывчивость.

Конечно, эти простодушные житейные истории, дневниковые извлечения, перечни самонаблюдений – настоящая проза поэта. Но вся проза, что-то значащая в русском пантеоне, была написана поэтами. Они-то прекрасно понимали, что язык повествования куда важнее всех перипетий сюжета, и именно он отвечает за достоверность и очевидность нашего существования.

Николай Кононов

Мученик наблюдения

«На окнах церкви решетка», а внутри стоит у подоконника сторож и записывает на листках то, что ежедневно происходит. Записывает не просто так, а чтобы приноровиться, приладиться к жизни ее скромным участником, «приохотить руку к письму, а глаз к наблюдению». Он переходит от подоконника к подоконнику, продолжая наблюдение и записывание. Мелкое, любовное, бытовое перемежается межпланетным, как, например, луна. Если смотреть на нее вплотную к окну, она нормального размера, а отойти к противоположной стене – становится непомерно огромной.

Сторож исключительно наблюдателен, ведь он не столько строитель, сторож или «Димамалар», сколько философ, поэт. Как Тургенев – «мученик наблюдения». Записывание незатейливых событий простыми словами имеет определенную цель: «медленное ощутить как мгновенное». Он любит сумерки, потому что возраст свой ощущает как сумерки. Глядя в окно, он различает настолько мелкую морось, что она заметна лишь по дрожанию луж.

Там же целуются физкультурники, они тренируются и валяются на траве, а студенты швыряют камни в окна, но на камерах наблюдения студентов не видно, видно одни лишь камни, и слышен звон; бомжи загружают украденную в магазине каталку или сидят у помойки на выброшенном диване; проходят красивые девушки.

Это снаружи, а внутри старик медленно разворачивает из целлофана очки, чтобы посмотреть на Богородицу, а затем так же медленно и тщательно заворачивает обратно. По рассеянности люди забывают в церкви предметы одежды. Девочка убаюкивает куклу в коляске.

Наблюдающему и записывающему многое может представляться игрушечным: «игрушечный гробик, игрушечный катафалк». Мужчина на отпевании «фотографирует покойную в гробу на телефон, издающий звук капающей воды». Церковь, покойники, смерть, и можно теперь без конца возвращаться к ним прикосновением пальца к экрану.

Вот и снаружи происходит нечто зеркальное. Там девушка у кладбища увлеченно фотографирует телефоном, но не покойницу, а собаку. Причем кладбища для девушки практически не существует. Она его не замечает, сконцентрировавшись на пушистом питомце и пытаясь навести объектив так, чтобы в кадр вместе с собакой попали не свежие венки и кресты, а нестрашная цветочная клумба. Или две женщины фотографируют друг друга, чтобы через фото проявить свою сущность.

«У матушки мобильник сперли», Саша-каратист пришел попить святой водички, и выливает остатки себе за шиворот. Другой Саша, бомж, цепляется за чан со святой водой для собственного равновесия и опрокидывает его. «Бабушки с тряпками набежали, воду по ведрам скорей выжимать». А однажды и со сторожем приключается нечто забавное: в церковь вбегает небольшая собачка. Сторож гонится за ней сквозь толпу, а она как ни в чем не бывало бежит впереди, недовольно оглядываясь и стараясь прокусить ему валенок.

Иногда сторож меняет профессию. Вот он пытается починить колесо инвалидной коляски, а вскорости узнает, что «колясочник» умер. Или поднимает на лебедке на крышу напарника, случайно зацепившегося за крюк телогрейкой. Или Богородица выпадает у него из киота, и под глазом у нее появляется ссадина.

Энциклопедия жизни церковной: свечница, алтарница, настоятель. Некий персонаж, которого все называют Пророк.

Венчания, отпевания, иконы. Разнообразные прихожане. Странная девочка в комбине зоне в очках, неугомонный мальчик, толкающий на паперти детей.

Живой и мертвый церковный люд. «Дочка умерла, внучка умерла,» – бормочет у канона старушка. Алкоголик Андрюха помирает от «льдинки», средства для мытья стекол. «Ангел говорит об избавлении тленного человеческого существа». От сторожа ничто не укроется. Ино-

гда происходит что-нибудь странное: он раскидывает по кладбищу белые камешки с неизвестного озера Чебуркуль по просьбе старушки, а через пару недель в это самое доселе незнакомое ему озеро падает метеорит.

А что делать сторожу, если в церковь ворвутся вдруг «Пусси Райот»? И на этот счет существуют четкие инструкции: «Димыч, камеру выбивай – точным ударом в челюсть».

Церковь нужна не чтобы глазеть вокруг, – заключает сторож, – а чтоб заглянуть в себя. И там натыкаешься на по-сю и потустороннее. Возможно ли записывание и там?

И тогда, сквозь повседневный шум медленного, услышишь мгновенное.

Маргарита Меклина

На листках

Луна

Десятый час. Огромная луна. В светлом небе огромная луна выглядит еще полнее. Особенно сквозь чугунную решетку большого церковного окна. Когда стоишь к нему вплотную, она нормального размера, а если отходишь к противоположной стене, начинает казаться непомерно огромной.

Рань. Луна садится за дома.

Величественная картина: похоже на отношения (наедине) сильно влюбленных друг в друга людей.

Отвык испытывать тоску. На елках появились свежие побеги: зачаточки шишечек. Дождь кончился, слабая рябь на лужах. Человек в резиновых сапогах гуляет с собакой. Среди неподстриженных одуванчиков.

Обнаглевший писатель пишет у всех на глазах – прямо про них.

Мамочка дала годовалому ребенку листик и ручку. Он водит ручкой по листку (навесу). Жаль, что ничего не остается на листке. Устами младенца глаголет истина, рукою – водит Бог.

Со мною что-то случилось: я стал улыбаться всем без разбору.

На окнах церковных решетка. В лавке продается книжка «Из окна темницы». Решетки покрашены графитовой краской. Когда перед Пасхой я мою окна, то лажу по ним.

Вспугивая голубей, дети гурьбой идут мимо церкви. Лужи блестят. На зеленой поляне физкультурницы машут ногами. У девушек что-нибудь розовое. Физкультурницы отчего-то расположились в тени и почти не видны. Только розовое выделяется. Двое физкультурников обнимаются, стоя поодаль от других. Вот отделились совсем и пошли «в лесок». Теперь их не видно. А остальные приблизились, перепрыгнули через лужи, блестящие по краям, и скрылись.

После ясного дня церковь погружается в полумрак. Я гляжу на ту же лужу, елки, могилы, траву, больницу. Лужи уже не блестят.

На месте отъехавшей машины осталось квадратное сухое пятно.

Воровато достаю листок из внутреннего кармана, даже не спрятавшись за киот. Я пишу кратко, а мысль люблю размазать.

Настолько мелкая морось, что заметна она лишь по дрожанию луж.

В искусстве должен быть и арьергард: при отступлении под натиском не – искусства.

Тень от дыма отражается на стене, а самого дыма в воздухе не видать.

Полная луна над елками.

Бывает, я стою с закрытыми глазами, моргая наизнанку.

Во что же дети превратили застывшую за ночь лужу! Разбив ее на тысячу осколков, как зеркало снежной королевы. Теперь на месте лужи – яма.

В лавке продается книжка «заПИСКи еПИСКопа».
Литература, летучая как дым.
Как сяду, сразу дремлется.

На обратном пути с концерта заныла нога, и овладело привычное угрюмство.
После долгих морозов зябко, пасмурно и промозгло.

Снежок понемножку
падает на дорожку.
Девушка кидает в кружк
бумажку за бумажкой.

Месяц растет, за вечер перерос за половину.

Мужичок раньше ходил каждый день, а потом надолго исчез, и вот он снова здесь, ничуть не изменившийся.

Он ни с кем не говорил, просто стоял подолгу на одном месте до самого закрытия.
Вот так же Миша перестал ходить, и я его почти сразу же забыл.

Простуженная Зина моет полы, отжимает тряпку в ведро. Снег мельтешит. По тому, как женщина одета, видно: она довольна своей фигурой. А Миша все же пришел, седой и краснолицый, молится кого-то за упокой.

Мужчина, чтобы лучше поклониться, перед поклоном отгибается назад. Отклонится, перекрестится, кланяется.

Наверно, я возраст свой ощущаю как сумерки, вот и полюбил сумерки, особенно зимние, белые.

Перед Богоявлением трактор сгребал с площади снег. Теперь за церковью снежные кряжи.

Присел у стола д/записок, положил ногу на ногу и вращаю носком ботинка против ч/стрелки.

Мужчина с шумом выпустил из себя воздух, немного расставил ноги. У черных ботинок длинные загнутые вверх носки.

Опять я вращаю носком, и снова против часовой, и опять набегают кручина.

Дети перебираются через сугробы. Пишу я в некотором смысле незатейливо.

На небе между ветвей слабый просвет. Облака вдруг сделались не сплошной массой, а здесь посветлей, там потемней, а где и со слабым оттенком голубизны.

Облака слабо плывут с юга на север. И снова все приобрело привычно-пасмурный вид.

Бутерброд падает быстро. Поймать его на лету трудно. На быстрое – посмотреть как на медленное, и наоборот: медленное ощутить, как мгновенное. Это и есть *временение*.

После уборки в церкви влажный пол, сырой воздух и тусклый свет.

В воздухе, если долго всматриваться, заметно движение: это снежная пыль.

Экскурсия в необычном месте, у ДОТа. Воспитательница рассказывает детям про войну, а сейчас, выглянул в окно из алтаря – все как надо: бомжи загружают каталку, украденную из магазина.

Выносил свечные огарки: из гаража пахло крысиным духом, и тут же дети у ДОТа слушают про войну.

Юноша рухнул на твердый сугроб, а две девицы уселись на него, как на бревно. Одна рыжая, другая другая. Выглянул: они все еще там, кривляются друг перед другом.

Пока я гляжу в окно, юный бомж за спиной хрустит оберткой какой-то еды.

Девушки обнимаются и пританцовывают.

Парень то посмотрит на них, то встанет как столб, то прилег за сугроб.

Я оглянулся на бомжа и встретился с его жестким взглядом. Через некоторое время женщина присела перед ним на корточки, расспрашивая, чем бы ему помочь.

Впервые скомкал и выбросил детский рисунок. Мне показалось, что ребенок *туп*. А может, это рисовал тот самый маленький даун, что с утра на службе потешно протягивал всем ручку, и я ему пожал, и все, кто пожимал, улыбались. Может быть, я скомкал рисунок – этого большого ребенка.

Вот и пасмурно сегодня уже не по-зимнему.

От пасмурности в церкви сделалась полумгла.

Вчерашние ручки обмелели.

В такой погоде есть нечто тягучее: будто глазами тянешь... смотришь на снег и тянешь, как тесто...

Вот уже и дети на велосипедах покатались по сырой земле.

Как полная луна – сегодня полное солнце.

Яковлевна посадила у крыльца деревца. Ее уволили, и вскоре умер муж. Шиповник прошлогодний с сухими плодами, и луковицы на клумбе дали ростки. Приятно смотреть на землю и ростки из нее, и на сухой шиповник, зная, что *скоро все зазеленеет*.

Пахло молодой крапивой.

Евгеньевна сказала, что в этом году жизненный цикл растений прошел очень быстро: за три дня вместо двух недель.

Любуюсь бледностью голых ног.

Записываешь, чтобы приохотить руку к письму и глаз к наблюдению.

Записывание требует ритма. Ритм задается движением: от подоконника к подоконнику.

На улице приятный ветерок. Жених подхватил невесту, фотограф их щелкнул.

Люблю летнее солнце на закате в церковных дверях. «Слава Тебе, показавшему нам свет!» – и солнце ровно напротив входа.

Мне стало нравиться, что набегают мгла.

Хожу туда-сюда среди картин (иконы) и статуй (девушки).

Девушки у кустов: кто на складном стульчике, кто на коленках, кто прямо на попе – рисуют нашу церковь.

До чего же красивым бывает облачное небо: ветер его расчешет, солнце подсветит.

Пасмурные дни располагают к сосредоточенности, ясные – к рассеянию.

В юности строчки приходят сами, в старости же тянешь из пальца.

Ветер тревожит, и в то же время утешает.

В эти дни солнце не спешит садиться, а *присаживается*.

Три разных ветра: один в траве, другой в деревьях, третий в облаках.

Ветер разгулялся, уронил железную урну. Теперь он дует, как в Канзасе, и ни о чем, кроме него, думать уже невозможно.

Брызнул

Самый лучший момент за вчерашний день: Тимофей брызнул в Мику тростью от кларнета. Ее размачивают в маленькой чашечке.

У Вас желудок, говорит, больной, или кишечник: вот он (серебряный крест) на Вас и почернел.

Пошел стекло выбрасывать: кто-то принес в церковь штук двадцать банок. А на помойку кто-то выбросил диван. На нем сидит пара бомжей. Пока выбрасывал банки, прислушался, о чем говорят.

– Вон менты проехали.

Вспомнилась картинка из школьного учебника: фашист пролетел.

Женя сказала, уходя на обед, что задержится. Она занозила пятку, и Наташа будет ей вынимать.

Когда цесаревич ложился спать, к нему приводили солдата рассказывать сказки. Из предосторожности, что в комнату войдет императрица, его сажали под кровать. Цесаревич свешивался головой с кровати, когда в спальню *случайно* вошла императрица.

Бабка нарвала сирени, в церковь принесла. Слышу, говорит свечнице: дочка умерла... внучка умерла...

Саша-каратист спрашивает про Лешу. Нет, отвечаю, не заходил. Саша медленно приближает лицо к моему уху, шепчет: пропал мужик. Потом еще раз приближает:... и черт с ним!

Он ощупал его и сказал: голос голос Иакова, а руки руки Исавовы.

Ребенок пропел: папа папа мама мама ты не папа ты не мама ты не папа ты не мама.

Андрюша святой водички попил, аж весь просиял.

Я почему-то решил, что она гуляет с собакой, а это ребенок, он наклонился.

Валенковна спросила, почему Таня редко бывает (в церкви). Я начал объяснять про мало-подвижность, а Валенковна: она что, располнела?!

Дворник прихорошился перед стеклом машины. И в гараже у него зеркальце.

В церкви случилось ЧП. Во время воскресной службе девушке стало плохо, и она обоссась. Когда человек теряет сознание, ему непременно оказывают помощь, вступая с ним в тесный контакт. Поэтому в пострадавших оказалась не только сама потерпевшая.

Что при этом еще было особенного. Еще перед службой по церкви кружилась большая черная муха. Это в середине то ноября. И когда отмывался от говна стул, эта сонная осенняя муха как будто поневоле оказалась рядом. И так и вилась, собираясь присесть. При других обстоятельствах я бы хлопнул ее, не задумываясь. Но уж настолько она была сонной и неопас-

ливой, а главное, наверняка последней в этом сезоне. И в душе шевельнулось к ней сострадание.

В гараже, кажется, по-прежнему живет крыса. Прежняя дворничиха Наталья ее даже прикармливала.

Хрустнул стул подо мной, без всякого моего участия. Я сидел неподвижно, а он сам по себе хрустнул.

Таня сказала про мужчину: слегка водянистый.

Бабушка удивляется: хора сегодня нету? Оказывается, съехала на час, думала, уже восемь. Стала про службу спрашивать. Я говорю: службы сегодня нету. – А там написано... Оказывается, она еще и днями съехала, думала, еще на два дня раньше. Сама смеется.

Дома появилась рыбка. Надо ее кормить, менять ей воду и добавлять кислород. Плавает она не в аквариуме, а в баночке для цветов.

Таня похоронила рыбку в снежку у восточной абсиды.

Она прилегла на дно, казалось, она устала. Танина грусть по рыбке.

Отец Герман выходит с каждым к центральной иконе, и бабка быстро пятится от него.

Вчера говорю: Тань! у тебя ножки кривые.

– Нет, это я так встала, – и показывает, как.

Стряхнул крошки со стула ладошкой.

Катин свекор кролика жарил.

Папа высоко поднял сына, чтобы он приложился к иконе.

На венчании из требника выпорхнула закладка с рисунком.

У Оли умер сосед Саша. Перед смертью выпить просил. Не давала. Потом увидела в холодильнике вино, все же дала. Потом зашла, умер. Переживает.

Девушки заходят в церковь попросить о ниспослании юношей, и ходят они по храму *крадучись*, как олени.

Пришли шаловливые дети, исчирикали всю бумагу.

Чего бабки не придумают: на соборовании – петь!

Маленький самолетик растаял в небесной хмари.

Мертвая пчелка на подоконнике. Дворник на корточках щиплет травку. Панический бег крошечного паучка, размером с точку.

А девушку, что обоср-сь, жалко. Она, наверное, больше к нам не придет.

Как только писатель садится и начинает писать, он тут же становится неравен самому себе. Чтобы как-то этого избежать, приходится прибегать к разным уловкам. Перед вами книга-уловка. Она почти вся написана *стоя*. В церкви удобнее всего писать на подоконниках. Они

здесь высокие, мне по грудь. И если я кладу на них подбородок, то называю это *флюорографией*.

Птицы

Вороны под падающим снегом для чего-то погружают в него клювы. Пройдут-пройдут, и сунут в него клюв. Прыг-скок, и сунут.

Льет дождь, гнутся под ветром еловые лапы, и на поле, где клевали лед вороны, теперь орудуют пугливые пронырливые скворцы, а воробьи клюют в самой грязи и лужах.

Трава набрала густоту. Вороны по пояс в траве.

Во вчерашних стихах мужик раздавил галчат:

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,
Прыгали, злились, наскучил их крик,
И придавил их ногою мужик.¹

Женя в белой куртке подкармливает ворон. Вороны в сумерках слетаются к Жене.

Ворона шла по траве и... скрылась в яме, как Курехин со своим роялем.

Трава в ноябре тревожна.

Три чайки, где обычно копали червей родные вороны.

Пусто и голо кругом,
лишь пролетит ворона
просто тоже от скуки
и пустоты.

Ворона на еловой лапе. Мальчик с ранцем, впереди трусит рыженькая собачка. Издали кажется, что лиса. Ворона и лисица.

По-весеннему расчирикались воробьи. Изредка каркнет ворона. Девочка кормит у метро голубей. «Так один, наглец, меня узнает! На меня садится! Расцарапал меня всю!»

Высоко на березах вороны гнезда. Ворона обклеывает снег. В нем рытвины и ямы. Вот она в яме, ее не видно.

Прошлогодние листья под ветром то похожи на воробьев, то один взовьется бабочкой, то покатится на ребре.

Евгеньевна сказала, что в этом году вороны съели скворцов. Накануне вечером мы лежали на Марсовом поле и разговаривали про птиц. «Это грачи, – Нет, это скворцы, грачи чернее и крупней. Скворцы клевали в траве, и среди них ходила ворона, как курица среди цыплят. Так вот, оказывается, она им вовсе не курица».

---

¹ Н. А. Некрасов «Саша».

Стрижи простригают наплывшие с севера облака. Пахнуло внесенными розами. Песик пускается вскачь. Две вороны гонят чайку из своего воздушного пространства.

Звуки птиц со стороны деревьев. Деревья обрели вид, и обретают звук. Птицы не всегда видны, но голосисты.

Трава скрывает скворцов от хищных ворон.

Вчера в парке кормили лепешкой красивую птичку.
В парке много птичьего разноголосья, мешавшегося с визгом с аттракционов.

Трава стремительно отросла.

В Курорте я кормил голубя. Одинокий голубь вел себя как собачка, только что хвостом не вилял. Он крутил головой, и во всем его облике, и в его одиночестве, я ощутил что-то особенное, вот и стал крошить ему хлеб.

Ворона стояла и смотрела на голубя. Прохожу мимо, повернула голову и посмотрела на меня.

Что отличает ворону от голубя. Голубь то и дело клюет (голубь в Курорте тем и поразил меня, что делал необычные движения). Ворона, прежде чем сделать действие клювом, делает множество разнообразных действий, и за ней стоит понаблюдать.

Ворона на моем лугу. Ветер шевелит вокруг нее короткую траву.

В траве две птицы: важная ворона и неважный скворец, чуть видный из травы.

Вот бабушка любознательная, что спрашивала про апостола Андрея, оглядываясь, направляется к кладбищу, где клюют землю утренние скворцы.

Приятно и оттого, как скворец проворно движется в траве, и как быстро *тррр*, взмахивая крыльями, перелетает.

Утром парень в бежевом пиджаке с маленькой сумкой оглянулся на такого же бежевого голубя.

Среди мокрой скошенной травы деловито прохаживаются две вороны.

За оградой кладбища далекие скворцы. Я назвал деловитой ворону. Так вот, деловит и голубь. Но не скворцы.

По дороге на ужин на клумбе я видел дрозда. Дрозды одиночки, а скворцы, так же как и воробы, стайные птицы.

Юра красный

На стене дворца, обращенной к церкви, студенты академии Приборостроения нарисовали околосметровый х-й. Пока решался вопрос, кому закрашивать: церкви или приборостроителям, х-й продержался. Юра ходил в поисках краски. Петросян обещал студентов.

Юра красит у дворца оградку газона. Саша-каратист попил св. водички и, присев на корточки, вылил остаток себе за загривок.

Над зеленой поляной плавно пролетел кусок полиэтилена и застрял в кроне.

Юра стелит полиэтилен, чтобы не запачкать землю краской, и подкладывает под себя поролон.

Юра нюхал цветочки, а от самого пахнет вонючей краской.

А в другом окошке тоже мужички: на корточках красят оградки, и благоухают цветочки.

Настоятель учит, как действовать в случае вторжения «Пусси Райот»:

– Главное, Димыч, камеру выбивай. Камера выбивается точным ударом в челюсть.

Пророк: Вам художник нужен? Патриарх отвечает: не нужен. Значит, и ничего вам не нужно. И ничего вам не светит!

Настоятель дал задание пересчитать крестики на Феодоровской, и повесить еще три. Когда-то я вешал крестики, икона выскочила из киота, ударилась о подсвечник, и Богородица получила ссадину под глаз. А крестики кинулись в рассыпную.

Зина про Пророка: такой слух у него... Про себя говоришь – а он отвечает.

На обеде Володя с дьяконом обсуждали глобальное таянье льдов, а от него перешли к потоплению кораблей: от потепленья к потопленью.

Насчитал на Пророке четыре рубашки. Пуговиц недочет. Поверх рубашек серо-зеленый плащ, заколот английской булавкой.

Настоятель сжег блокнот с моей любимой бумагой. Я писал на ней месяцами, а хватило б на годы.

За трапезой Володя говорит, что в войну женщины с танкистами предпочитали не связываться. Они вечно чумазые, и гибли часто. Вот летчики, другое дело.

Листочки кинули в печку, и никто на них ничего не написал.

– Так не празднуется Новый год, – говорит Пророк.

Зина: И елками не пахнет.

Пророк: Говном пахнет!

Пророк сегодня сравнивал землю с женщиной: как в ней медленно созревает плод, и нельзя все, что в ней медленно созревает – быстро из нее добывать.

Зина проводит целую экскурсию про иконы. Три бабы слушают. В левой руке у Зины стаканчик синий в полиэтилене, куда Настя натолкла ей котлет. После леченья зубов ей три дня можно только мягкое и холодное.

Пророк увидел, что я пишу: Шпионов у нас много.

За обедом от чеснока, что он вкусный, а запах от него неприятный, перешли на табак. Ира рассказала, что у нее бабушка табак нюхала, а Юра: вот и померла. А Ира говорит: а она жива, и все засмеялись. Тут Женя песню вспомнил: Моя бабушка курит трубку... только перепутал, что это «Ноль», а Оля-повар поправила: Так это ж Гарик!

Пророк крестится круговыми движениями, точно отмахивается от мух.

У Юли по щеке текла слезка, и вот мы расцеловались, и она на моей губе.

Зина рассказывает про знакомую, у которой дочь. Ездил по монастырям, молилась за дочь, приезжает, а дочь *сожительствоет*.

Еще только весна наступила, а отец дьякон уж пахнет лесом.

За трапезой отец Герман говорит, что знает, что делать, если будут ломиться в дверь: у него дома арбалет и катана².

Валера на крыше сверлит дыру под кронштейн: крепление для большого колокола.

Валера ударил в колокол, чтобы проверить, не отлетит ли кронштейн.

За трапезой, описывая Марью Андреевну, сказал, что она была одинокая и суетливая. И тут же подумал: мало того, что описание неудачное, так еще всех присутствующих женщин задел.

Женщины, подняв зады, красят оградки. Ветер разносит вонь от краски. Дерево оживает под ветром. Женщины опустили зады. Дети заходят в церковь попить. Песик писает в одуванчики.

Венчали: Тарас и Елена. Отец Сергей называл жениха то Тарасий, то Тарас, и под конец сказал *Тарасъ*.

Вера дала почитать письмо внучки из тюрьмы.

Женя с Володей говорили про старинные ядра, а пришли опять к тому, что женщины с танкистами предпочитали не связываться.

Алена нежно расцеловалась с Верой.

Купол дворца блестит свежей жестью.

---

² Японский меч.

Пророк изрек: культура бывает только та, что была первоначально. Это относилось к замене входных дверей.

Пророк сказал, что гамак на флоте можно использовать и как воздушную дорогу, и рыбу ловить. Потом рассказал, как он был секретарем комсомола и организовывал соревнования по гребле на баркасах.

Юра прибежал, у дворца растет шиповник. Мужик его обрывал. Юра думал, плоды, нет, лепестки, на свадьбу брату. Настоятель его засек: отберите у него пакет!

Женя обнимает худую девушку в капюшоне. В прошлый раз я принял ее за юношу (не подумал про капюшон). Кажется, у нее умер младенец. Тихо и грустно заходит, походит от иконы к иконе, не зная, куда приткнуться.

Пророк сказал: мы не можем ковать деньги на горбу у Бога!

Таня говорит, что у тех, кто трогает иконы, отсохнут руки.

Вдруг представил себе, как покойный Боря смеется и говорит, сквозь смех, как бывало: ой-ёй-ёй, я сейчас знаешь где?!

Семеновна говорит: не люблю, когда в храм приходят мужчины с голыми ногами. Я подумал, она про шорты, а она про босоножки, когда видно *пальцы*.

Семеновна ругается на свечи, что их делают из отходов.

У Верки сумка в горошек. А присмотришься – это дырки.

Юра заходит: голова мокрая. Я, удивленно: жарко?

Юра, приглаживая остатки волос: да... торчат.

Набор

– Доктор мне говорит: Не нравитесь вы мне, Владимир Иванович; а я ему: Я сам себе не нравлюсь. Когда разденусь – суповой набор. Кожа, кости... ну, кое-где еще немного мяса.

Дедок Андрюшин пришел, жалуется, ветром его раскачивает.

Дедок Андрюшин, опираясь на палочку, покачиваясь под ветром, медленно удаляется.

Пришел знакомый дедок: ничего не болит, а хожу с клюкой. Было сотрясение мозга: посмотрю налево – и пошел налево... посмотрел направо – и пошел направо. Выглядит неважно, исхудал. Молится без клюки, закрыв глаза и беззвучно шевеля губами.

Перед закрытием знакомая молится посреди храма. Она немного подняла ногу, поджав ее к другой, и какое-то время молится так, на одной ноге.

Прихожанка, молившаяся на одной ножке, оказывается, на Пасху неудачно упала, и встала на ноги лишь на Троицу.

На исходе дня было лень лезть за листком, а пришел как раз тот старик, с лицом, как скомканная бумага. И вел он себя похоже с тем другим, что снимал-надевал очки.

Вот он купил свечи и передвигается трудно, опираясь на палку. А лицо у него смешное и уши торчком, у старика осталась последняя свеча, ищет, куда поставить. Подошел к Ксении, нет, и направился к пианино, где у нас Николай- угодник. Вот тут он полез в карман ну в точности, как тот, другой. Сейчас достанет очки, и точно, достал. Надел и стал в них еще смешнее, похож на мартышку. Но и Николе ставить не стал, а повернулся к Казанской.

Вот так он постоял, истратив последнюю свечку, и пошел на выход. Ноги совсем не гнутся, ну совсем тщедушный. Вес невелик, и он, опираясь на палку, спускается с паперти.

Старик в церкви, седые лохмы, движется медленно от иконы к иконе, всматривается (при этом лицо сморщивается). Остановился перед Феодоровской, увешанной золотыми крестиками, и тянется лицом (подсвечник мешает подвинуться ближе). Старик начинает медленно рыться в куртке. У него в ней много карманов: пошарит в одном, переходит к другому. Наконец, находит очки: они у него не в футляре, а завернуты в целлофан. Целлофан, разворачиваясь, хрустит. Надевает очки и смотрит на Богородицу так, будто не верит своим глазам. Посмотрит в очки, сдвинет их на нос, приблизит лицо и снова посмотрит. Эмоции скрадываются морщинами. Снимает очки, заворачивает их обратно в целлофан и медленно, медленно отходит.

Дима с Сахалина где-то подрался. Сидит у стола д/записок, кашляет, кровь летит.

Дима показал стигмат: снял кроссовок, грязный носок, повернул ногу стопой вверх: то ли ранка черненькая, то ли просто грязь пристала.

Болотов распушил бакенбарды. Маленький, лысый, череп небольшой. Распушенные, они хорошо видны сзади по сторонам головы.

Болотов Сережа, маленький хромой старичок, попросился в туалет: бандану перед зеркалом повязать.

Бомжишко жевала хлебушек. Бомжишко прихорошилась, хотя одета не по сезону. На голове узел. Открыла толстую книгу. Это книга «Несвятые святые». Может, она тянет у нас по книжке, а потом снесет на базар.

Бомжишко заснула.

Бомжишко жует и жметя к канону.

Седой горбун с рюкзаком.

Горбатый странник пришел опять.

Старик в свитере таком, какие Таня не любит, в *лесном*. Старик собрался с силами и попросил поесть. И чаю (заварки). Когда он паковался, то обронил заварку под стул и ушел.

Смотрите: вот старик седой, изнеможенный,
На ветхих костылях под ношей лет согбенный,
Он с жизнью сопряжен страданием одним,
Уже могилы дверь отверста перед ним,
Но он живет еще! – он помнит дни златые!
Он помнит резвости и радости младые!
С товарищем седым, за чашей круговой,
Мечтает о былом, и вновь цветет душой,
Светлеет взор его, весельем дух пылает,
И руку друга он с восторгом пожимает³.

---

³ Е. А. Баратынский

Fashion

Весь февраль почти не было солнца. А до середины марта оно было, но почти не грело. Небо облачное, с просветами. Пришел лысый и неподвижно, как памятник, встал посреди церкви. Прошумел самолет за облаками. Шумною толпою зашли паломники. Они, конечно, не шумят, как иногда иностранцы, но от них стоит тихий гомон. В удручающе тусклых одеждах первому постному дню под стать. Собрали, что потусклей, и свезли полюбоваться на истертый имперский блеск.

В просветике солнышко бледное, как луна. Синички пропрыгали под елками и на изрытых сугробах. На кладбище узбеки кидают снег. В гараже промелькнула крыса. У парня такие густые прямые волосы, что в сумраке я подумал, что это шапка.

Хотел уже с мальчика шапку сдергивать, а у него в ушах сережки (то есть у нее).

Белые колготки, розовая сумочка, красные сапожки. К сумочке пришита мягкая игрушка: голова кролика, и рядом вышита огромная оранжевая морковка.

Кучка красивых девушек, оделись по-постному, во все темное, зашли помолиться. Минут через десять, когда выходили, одна высунула язычок.

Люблю, когда девушки приподнимают ножку как цирковые лошадки, оставаясь стоять на одной, и, поставив сумочку на согнутую ножку, роются в ней.

Бабушка привела в церковь чудную девочку в очках и комбинезоне, и платок ей вместо юбки намотала. Девочке ходить неудобно, села в углу.

Черная коляска катится вдоль ограды кладбища. Мужик с коляской заехал на кладбище, ездит по дорожкам среди могил. Новенькие могилки, недавно после ремонта. Остановился, присел возле коляски на корточки.

Редкий случай присутствия младенца на отпевании. Он сдавленно подстывает хору.

Где только что перед канонем стояла девушка, осталось ароматное облачко.

Цветок угодил мне в грудь и осыпался.

Еще можно порыться в сумочке, поставив ножку на сугроб, а сумочку на коленку.

Девушка *вжикает* молнией сумочки.

Девушка в капюшоне подставляет солнцу лицо.

Девушка с фотиком на пупке.

Женщина с блестками на берете пальцами вытирает помаду с губ.

Черная юбка. Подол крупным неровным зигзагом. К зигзагу пришита толстая длинная бахрома.

Весело подрагивают на каноне огоньки свечей. Две старушки обсуждают модную шляпку.

Негр фотографирует сына на фоне церкви на ноутбук. Теперь сын снимает папу на айпад. Оба в очках и одеты излишне тепло.

Старушка с хорошо сохранившимися ножками в ажурных чулочках.

Женщина сильно надушена, в красных сапожках, с красной сумкой и в шляпе. На шляпе сбоку изображение Эйфелевой башни.

Если у девушки есть вкус, разве она может выглядеть жалкой? Отсюда колоссальное значение одежды для женщин.

Мужик вразвалку пошел посмотреть на могилы. И двое маленьких детей на расстоянии прошли за ним в ограду. Дети идут, держась за руки: мальчик постарше, девочка кроха. Мужик лыс, с усами и животом, руки в карманах, ноги расставил чуть шире плеч. Может, это дедушку отправили погулять.

Безумная Валя обсуждала со мной, как одеваться в церковь. Хорошо оденешься – осуждают, плохо – тоже ругают.

На отпевании высокая девушка поцеловала венчик, и он прилип к ее губам и приподнялся на 1–2 см от лба покойного.

У девушки красивые ножки в черных колготках. В руках папка. Метров за десять до входа в церковь девушка остановилась, чтобы повязать черный платок. Папку поместила между ног, и то ли слушает музыку (наушников не видно), то ли припомнила приятную мелодию, ритмично покачнулась вперед-назад.

Из церкви сразу ушла, только о чем-то спросила, а столько приготовлений.

Эпизодический человек

Люди идут по крыше, и скрылись в чердачный проем.

Мужчина молится с газеткой: держит в руке и движет ей, как будто она тоже участвует в молитве.

Женщина с розовым пакетом и толстыми ногами у стола д/записок уронила голову на грудь.

Теперь женщина с пакетом пошла помолиться, и я присел на ее теплое место.

Странная картина: пожилая женщина медленно пятится от церкви. Прошла так до самой автобусной остановки. Выбросила что-то в урну, села на нее и стала разводить руками (делает зарядку).

Мужик зажал подбородком газету, свернутую в трубку, и копошится в кошельке. Лицо благообразное, а в фигуре скрюченность и подавленность.

Перед церковью парень стоит. Ноги расставил, руки скрестил на пупе. В черных очках, широко раскрывает рот.

В траве, на холодной земле валяется мужик. Наверное, тот самый, что долго рассиживался в углу.

«Человек на траве» оказался другим. Зашел, дождался конца службы, чтобы поговорить с отцом.

Из автобуса я видел женщину на Невском. Немолодая, она стояла, близко склонившись к рекламной карте, а руки, видно для равновесия, заложила за спину. Я даже видел примерно то место на карте, которое ее так занимало, и подумал, что может быть, кончик ее носа касается сейчас того места, где находится наш дом.

В автобусе рядом со мной ехал младенец. Всю дорогу мы рассматривали друг друга. Единственной игрушкой служила ему бумажка (одноразовый платок). И когда я поковырял в носу, он тоже прикоснулся бумажкой к носу.

Женщина стоит у дверей, приготовившись к выходу. Дверь, резко открывшись вовнутрь, вышибла у ее из руки перчатку. Да так неудачно, что ей пришлось тянуться за ней, а пока она тянулась, двери начали закрываться, и когда она выходила, прищемили ее.

Мужик отдал в церковь неплохие старые свитера. Теперь макает свечи в лампы и смазывает себе костяшки пальцев.

Парень говорит: я курил душой. А теперь это перешло на брата. Хочет вернуть незамутненную первозданную душу. Так и сказал: первозданную.

– Так, здесь, передняя площадочка, кто еще не оплатил? Молодой человек, оплачивали? –
Вроде как, да, – Ну, умничка, спасибо.

Нарисовала на запотевшем стекле медузу и смотрит в нее, сморщив лобик, вздернув носик. То в нее, то в телефончик, где что-то медленно падает.

Бородач читает по книге. Губы движутся, и дождь припустил.

Снова пришел бородатенький. Снова читает, уткнувшись бородкой. Губы шевелятся, и бороденка тоже.

И вот его сменил другой, тоже с бородкой, напоминает батюшку. Выглядит солидно, и галстук заколот, а пришел просить «на автобус до монастыря».

Теперь по церкви разносится крепкий мужской запах.

В телефоне за чисткой наткнулся на эсемеску: «Дмитрий, я на месте: маленький, толстый, с длинными волосами – легко узнать».

Старик в очках со снегом на рюкзаке. Бабушка со стеклышками крестит не себя, а от себя: перекрестила подсвечник, уходя, церковь перекрестила.

Надежда носит на боку чудной кармашек на веревочке, из него высовываются бумажки.

Приличная на вид женщина сняла очки и помахивает ими, как будто что-то колдует.

Перед венчаньем фотограф положил чистый белый лист на гранитный пол и сфотографировал его с близкого расстояния. И так несколько раз: перекладывал белый лист и фотографировал.

Мужик долго сидел у стола д/записок. Мне уж он надоел. Потом он пошел помолиться перед большой иконой Знаменья, и рассказал мне, что слышал от бабушек. Эту икону написал не иконописец, а простой мирянин, в блокаду, и молился ей, а потом передал сюда, в храм.

Мужик с шумом выпустил из себя воздух, немного расставил ноги. У черных ботинок длинные, загнутые вверх носки.

Мужик с голым торсом пробежал мимо церкви.

Странная женщина: сначала приставала к другой, помоложе, потом задерживала очередь у Алены, пытая ее насчет имени Аустина. Она встречала его в православной литературе. Потом долго шуршала пакетами у святой воды, уже перед самым закрытием. Когда же, думаю, ты, наконец, уйдешь? И тут она преподносит Алене торт собственного изготовления: со всеми тут поделиться.

Мальчик зашел с улицы, покупает кольцо: сейчас на улице холодно, и пальцы поэтому тоньше.

Девушка с фотиком на пупке.

Седой взъерошенный мужичонка растерянно постоял посреди храма.

Старый седой мужчина, целуя перед помазанием большое Евангелие, забрал в рот целого евангелиста.

Бывает седина настолько чистого оттенка, как будто голова перебинтована.

Мужчина в шортах с дочкой на руках. У дочки в руке шишка, в другой – пластмассовые грабельки.

Бабушка с палочкой и авоськой на ярком солнце – медленно подвигается к храму.

Женщина с блестками на берете вытирает помаду с губ.

Ребенок сидит за столом и упорно на меня смотрит, уперев ручку себе в переносицу. На лбу укус.

Вечерний парень запихивает в штаны довольно толстый молитвослов.

Упитанный мужчина в шортах
присел к столу, перебирает
златую цепь.

Женщина на каблуках под ветром перекрестилась.

Дедушка с девочкой на руках. Девочка держит сумку. Из сумки торчат пластмассовые морковка и помидор.

Мужик с необычной бородкой ставит свечки по номеркам: поджигает от зажигалки и сверяется по листку.

Мужик из горлышка выдул всю бутылку святой воды.

Сухонькая жалобная старушка с палочкой, подружка Зины.

Старик православного вида двигает головой. Старик прикладывает свой нательный крестик к иконам, не снимая с шеи. Старик оглядывается, беспрестанно крестится, голова и руки не остаются в покое.

Седой мужчина провожает взглядом бодро идущую длинноножку.

Чуть выпивший мужчина в шортах со вполне православной бородкой говорит, что не понимает языка Богослуженья. И еще раз вернулся сказать, что отпеванье – дорого.

И еще он спросил, если я и правда здесь служитель, не мог бы ли я быть его духовником?

Мужчина на ходу плюнул. Слюна отлетела далеко, и главное, очень быстро.

Девочка обегает на цыпочках вокруг центрального подсвечника.

Людочка говорит: она у Предтечи что-то отколупывает, что-то там копает...

У бабки из сумки торчит заостренная палка (кол!) У другой нарисованы брови.

Мужчина прихрамывает. Длинные руки похожи на клешни. Мужик с клешнями, с ним баба, отъезжает на черном джипе.

Наливаю св. воду в стеклянную бутылку какому-то мужику. На горлышке что-то пристало. – А, это сладости... пирожные. И, чтобы я не усомнился, мужик облизал пальцы.

На подстриженном лужку фотограф выбирает ракурс. Большой кусок изогнутой трубы похож на издохшего змея.

Девушка ассиметрична: одна щиколотка кажется больше другой, и тельце держит набок.

У криминального парня темные пятна на локтях, как будто его пытали.

У девушки туфли лимонного цвета с ярко-розовым носом.

Наконец, в церкви появился человек, который за мной наблюдает, а не только я за ним.

Фекла поет: «Тело Христово...» и вся трясется, и голос подрагивает.

Смычка

Своими глазами видел, как старуха приложила к иконе красную паспортину: вот она, смычка церкви и государства.

Внучок чокнулся с дедком коммунистом.

Физический труд затрудняет умственную деятельность. Оттого ослабевает интерес к умственной деятельности других людей. Отсюда происходит разобщение – вот крестный путь мирового пролетариата.

На трапезе рассказали: кошки побежали в алтарь, а какие-то бабушки закричали: котам можно, кошкам нельзя!

Алена шла, замедлилась у клумбы тюльпанов, как будто собираясь наклониться к ним и вдохнуть... но одумалась. Отдернулась, и быстро пошла дальше.

Алена не замедлилась, а прошла мимо клумбы зигзагом, как будто цветы ее примагнитили, а потом пошла к церкви так, как будто и там притяжение, и оно более сильное.

Высокая трава, никто ее не стрижет, а на кладбище подстрижена, и лежит стожками. Стожки замekli, слегка потемнев.

В гробу у покойной крохотная иконка.

Среди стожков одинокий скворец, нет к нему слетел другой.

Стожки как будто намек на могилки. И зачем, для какой цели этот участок кладбища не заполнен? Впереди – новые войны.

Стожки мои подсохли, и трава вокруг них подросла.

Мама с двумя детьми. Детям на грудь повязаны георгиевские ленточки.

Черный пес мирно прилег под самым крыльцом, у пса хозяин помер, и он пришел у церкви полежать.

«Мне говорили: не ходи в эту церковь. Здесь что-то не то. И, судя по внутреннему убранству, очень похоже».

Само название «православие» уже содержит самодовольную похвальбу. А в постороннем родит недоверие. Уверен, что и самим православным оно не очень-то по душе.

Страж подробно рассказывает царю о сомнениях в пути из-за страха быть наказанным за дурные вести. В то же время, если царь узнает неприятную весть от другого, стража накажут за то, что скрыл.

Страж повествует о мертвце, похороненном вопреки царскому указу. Царь подозревает его и других стражей в корысти. Их подкупили, вот они и позволили похоронить мертвца.

Царь посылает стражам страшные угрозы, если не отыщется виновный.

Страж приводит к царю Антигону.

Перед тем, как она пришла к телу мертвого брата, поднимается сильный ветер. Увидев преступницу, стражи бросаются к ней. Антигона не пытается скрыться, и сознается во всем.

Захватив Антигону, стражи сняли с себя вину.

Если есть отбивное мясо, то и наешь себе бычью шею (и лысый череп).

Чебуркуль

В Пасхальную ночь Тельма с Луизой отправились в церковь. После службы они явились на праздник, у них было одно дело. Сын Тельмы (или Луизы?) Лелик должен был играть в детском спектакле роль овцы, и ему требовалась подобающая шапка. Луиза узнала, где находится шапка, и теперь оставалось ее забрать. Шапка лежала очень высоко. Без посторонней помощи Тельма с Луизой не смогли бы ее достать. Однако еще во время службы Тельма заприметила высокого блондина, и теперь обратилась к нему. Блондин охотно согласился помочь. Он давно привык, что женщины обращаются к нему, чтобы использовать его рост. Он достал коробку, где лежали костюмы овец и помог размотать скотч. И счастливая Тельма забрала для Лелика шапку, прихватив заодно и шубку.

Сейчас я мог бы сходить и посмотреть, как там мои камешки. Я ведь запомнил, куда их кидал, зимой, когда могилы были засыпаны снегом.

В церковь зашла незнакомая бабушка, и обратилась ко мне запросто, может, даже по имени. Дима, сходи, раскидай по могилкам, и протянула мне эти камешки. – А что за камешки? – Да с Чебуркуля, – С Чебуркуля? – в первый раз тогда услышал я это слово. – А что такое Чебуркуль? И бабушка сказала, что это озеро такое, и объяснила, где.

Сначала я усомнился, чего это я буду камешки раскидывать. И говорю, куда это я пойду? А она: да вот же у вас здесь, за церковью, кладбище. За церковью, ладно, пойду, думаю, раскидаю.

Взял мешок с мелкими белыми камушками и пошел, а через неделю-две в озеро Чебуркуль упал метеорит.

Тимофей играет с маленьким металлическим шариком. Кидает его из конца в конец по комнате. Катнет, и устремляется вдогонку, как зверек, прыжками на четвереньках. Звук катящегося по паркету стального шарика, звуки коленей и рук Тимофея, ударяющихся при приземлении о пол. Настигнув шарик, он останавливается, разворачивается и продолжает игру в обратном направлении.

На пляже в Солнечном Лелику торжественно доверили нести мои сандали. Он остановился надеть свои, и мои забыл. Хватились лишь минут через десять. Пришлось возвращаться. В итоге мы прошли мимо нудистского пляжа три раза, и Тельма с Луизой еще долго обсуждали х-и.

Религиозный мужчина без явных признаков душевного расстройства, болезни или преклонного возраста – всегда подозрителен. Кажется, он за этим что-то скрывает, что-нибудь нехорошее. Особенно подозрителен в церкви мужик с бородой (если, конечно, это не священнослужитель, и борода – необходимый атрибут). И если он при этом еще совершает показательно-религиозные действия: крестится, кланяется и вообще мельтешит... Ну, думаешь, ты или вор, или того хуже.

Все более-менее странные люди рано или поздно окажутся в церкви, понемногу вытесняя оттуда «нормальных». Но в духовенство таких не берут.

Человек за время жизни встречает множество людей, многих по многу раз. И он их как правило забывает, и при новой встрече не узнает. А случайно кого-то узнав, удивляется сам себе.

В церкви чувство бренности всего земного должно еще усиливаться. И от вида вот этого человека в шлепках, трениках и с татуировкой на плече. От вида любого человека, пришедшего сюда с любой целью, и от безлюдья. Оттого как человек несовершенен, и от тщеты его усилий. И в каждого как будто немного *вляпываешься*, будто это и у тебя шлепки, и татуировка.

Церковь – не чтобы глазеть вокруг, а заглянуть в себя.

За обедом Ольга дала мне посмотреть китайскую траву, китаец батюшке подарил: что за трава?

Я всматривался в траву. Саша Говоров говорит: у меня в хоре кореец пел, он меня некоторым иероглифам научил. Смотрит на траву: во всяком случае, иероглифы корейские, и Саша даже нашел иероглиф, что Корея северная.

А в заваренном виде попробовать дали Юре. Юра сказал: это зеленый чай. А листья на чай ну совсем не похожи, хотя и у китайцев они всегда такие видоизмененные.

Заходит батюшка: да нет, это для салата.

Две бабушки встретились, одна другой: милость ты моя... Другая: два месяца не была, еле пришла.

Две овчарки: одна тащит в пасти здоровую ветку березы, другая грызет банку из-под джина.

Среди мокрой скошенной травы деловито расхаживают две вороны.

Две девушки с негром прогуливаются в окрестностях церкви: одна покрупнее, другая помельче, одна в совершенстве говорит по-английски, другая все время молчит.

Две голых девушки плетут венки
на одуванчиковом поле.

Пагинсон

Неужели из такой вот пушинки вырастет кустик, а то и деревце?
На елках семена в шишках, а у тополей пушок (и у одуванчиков). Они относятся к пушковым, размножаются пушком (а елки – шишком).

Лопушки и кашка. Вышло солнышко, и вот я пытаюсь ему улыбнуться.

Раньше я писал в тетрадках. Теперь я пишу на листках. Может быть, со временем я буду писать на стенах: мелом, углем, кирпичом.

Иногда все люди кого-то напоминают, кого давно не видел и плохо помнишь.

Как траву подстригли, тут воронам раздолье.

Иногда сухие старушки бывают похожи на девушек. И на девушек глядя, подумаешь: вдруг, присмотришься, это старушка.

Нужна тоска – чтобы не умереть. А смерть нужна – чтобы не тосковать.

Безумная Фекла ощупывает свечи на подлинность.

Знакомый старик с морщинистой кожей и причудливо выгнутой лакированной палкой.

Низкое осеннее солнце. От солнца томление, и все кажется *бранным*.

Нужно заново себя отыскать, нужно ощутить свой возраст.

Думал, грустно от осеннего солнца, но вот оно скрылось, а веселее не стало.

До чего нереальна смерть. Умерли многие люди, кого я хорошо знал. И все же их смерть не реальна. Только и остается воображать их себе живыми.

Сколько к этому возрасту уже умерли, и ничего не записывали, а что, если записывание возможно и *там*? Как со мной бывало, как будто читаешь во сне.

Человек в красной куртке хотел освятить крестик. Его сориентировали на отпевание, а он боится покойников.

На подоконнике мне встретился странный жук. Я его переворачиваю на живот, а он тут же переворачивается обратно на спину и сучит лапками.

Семеновна показала фотографии, где она девочка, и говорит: мужа убили в молодости, зарезали. Он в тюрьме сидел, но я всю жизнь его любила, и он перед смертью меня вспомнил.

Вспахали клочок земли, наверное, посадят кусты.

Семеновна ездила к старцу молиться за сына, чтобы не пошел по стопам отца.

Алена объяснила про ектенью: это читается *вовсеуслышанье*.

В стороне кладбища туман, как в «Вампире» Дрейера, и между елок лысый мужик делает движенья «ушу».

Мокрая трава под осенним солнцем. Трава подрагивает и поблескивает.

Семеновна целуется на прощанье: ты такой горяченький.

Отец Сергей столько масла помазал, что стекает на брови. Бабушка всю службу знает, дублирует тихим шепотом каждое слово.

Из дворца студенты кидали камни в машины. Приходила милиция, смотрела запись с камер видеонаблюдения. Видны лишь летящие камни: хитрые студенты.

Семеновну ударило по затылку откидной крышкой. Приходит с обеда, подставляет мне голову: понюхай, водкой не пахнет? Прикладывала водочный компресс и целителя Пантелеймона с мощами.

Может, и были всходы, но их задушили.

– Сколько прошел за день? – подсмеиваются бабушки.

Чирикает невидимая птичка.

Папа с больным мальчиком. Папа присел у святой воды. Мальчик с зажженной свечкой то подойдет к канону, то отойдет от него.

Теперь они уже в окошке, где щебетала птичка. Мальчик, как в церкви, ходит теперь кругами вокруг лужи, разрывает травинку и бросает в нее.

Вдруг солнце блеснуло на алтарь. На юге солнце садится быстро, а у нас медленно, под острым углом к земле, и оттого много сумерек.

Женщина прижималась к иконе, я подошел, попятилась будто в испуге.

За обедом Володя с дьяконом говорили про вертолеты, а от них перешли на ворон, и с тем же азартом обсуждали их манеру вить гнезда, дразнить собак.

Пророк принес в клюве новое слово пагинсон. Я спросил, что это? Он объяснил, но все равно было непонятно. Я дремал от звука его голоса. А как пишется? Па-гин-сон! но можно и по-гин-сон! Дальше он пошел уже к бабушкам: клепать им про «пагинсона».

Елка почти не раскачивается. Небо выше. Лужи дрожат чуть заметной дрожью.

Бабушка смешно крестится: накладывает крестик совсем маленький, величиной с нательный.

Вчера заходили Лелик с Мариной. Лелик спросил: Дима, скажи, ты рад своим сыном? А когда я пожаловался на хандру, Марина посоветовала пить чай лежа.

Стемнело, и ветра не видно, пошла служба, и ветра не слышно.

Женщина всхлипывает, переходя от иконы к иконе. Следом за ней молча переступает мужчина.

Марина рассказала, как она подслушивала и подсматривала у чужих квартир, и результаты слежки заносила в блокнот.

Лысый мужик никогда ничего не пишет, а тут, смотрю, присел к столу... да нет, это другой – я их перепутал.

В голых деревьях приглушенно щебечут птицы.

Жизнь с какого-то момента походит на соскальзыванье.

Оля дала мне селедки прямо рукой. У нее сына забрали в ракетные войска.

Увядшая трава торчит из снега. Старушка с хорошо сохранившимися ножками в ажурных чулочках. Остатки снега превратились за день в серый рыхлый лед.

Большая черная муха проснулась из-за оттепели и ползает по столу. Я вынул стельки из ботинок и на ночь положил их прямо на стол. Муху вдруг заинтересовали стельки. Мне неприятно, что она будет ползать по моим стелькам, я собираюсь ее согнать, сбросить ее за край стола во мрак, но муха почувствовала движение, поднялась в воздух и полетела прямо на меня, и я стал от нее отмахиваться.

Старенький дядечка с палочкой, отходя от канона: Ну... что же делать...

Молодой человек на коленях на мокром гранитном полу (его только что помыли).

В сумерках людской прилив.

Куст хлестнул по лицу (по губе).

Марина мечтает жить, где жарко, и вообще нет зимы. Я разубеждал ее насчет жары.

Марина пришла с антоновкой и чесноком, и уж взялась за курицу, и вдруг застыла. И говорит: она переходила Литейный у Дома офицеров и увидела, что несется скорая помощь с сиреной. Потом она увидела, что вместе со скорой несется другая машина, и женщина, идущая впереди, видимо, из-за скорой ее не заметила, и машина на полной скорости сбила ее.

Марина рассказывала все это, застыв на цыпочках с распущенными волосами. Раздался такой грохот и хруст, и сбитая женщина лежала в такой позе... Скорая остановилась, а другая машина уехала.

Марина очень осторожная, и вообще она боится машин, но если бы она сделала два лишних шага...

Соне папа подарил полосатую кошечку, один глаз отвалился и потерялся. Оля-повар пририсовала ей оторванный глаз зеленым маркером. На глаз не похоже, похоже, что прижгли зеленкой.

Человек не просто стареет, у него то приступ старости, то обратно слегка помолодел.

Девушка с ребенком на руках нагрела свечку так, что она у нее загорелась с другого конца.

Пустынность городского клочка

В чем существенная разница между первым и последним снегом. Про первый все сразу знают, что он первый. А про последний – никто. И когда уже окончательно ясно, что он был последним – все о нем уже позабыли.

Подслушал, как женщина ставит свечку: Господи, дай нам только здоровья, больше нам ничего не надо.

Солнце скрылось за край окна, и теперь я гляжу на снег. Там, где вчера были лужи, теперь проталины.

Общее между людьми и снегом: человек в первый раз появился в церкви, и потом навсегда исчезает. И это замечаешь не сразу, ведь никогда не знаешь точно, что видишь кого-то в последний раз.

И даже в ясный день, среди бела дня в церкви немного сумеречно.

Мужчина долго стоял у канона, теперь стоит перед иконой Спасителя, закрыл глаза и покачивается с пятки на носок.

Жил-дремал и умирал-дремал.

Как легкомысленно я прожил жизнь. Как легкомысленны хоть эти листки.

Не оттого не чувствуешь весны,
что нет ее в природе, а в тебе
самом с годами омертвел
весенний нерв.

Трактат о ветрах: как он воет, как раскачивает деревья, осязание его лицом.

Пока солнце низкое, и тени особенно причудливо длинные.

Дотягиваюсь взглядом до могил.

Мужик поцеловал подножие креста на Голгофе, а баба ему: Миша! Миша! Куда я тебя учила – в ножки.

Дремлю у стола для записок, подрыгивая ногой.

На кладбище мне несколько раз попались на глаза рыжие крысы.

Мало людей и машин, улица на углу с Авиационной перегорожена. Редкая возможность при свете дня наблюдать пустынность городского клочка.

На улице мужик разговаривает по телефону. Рядом с ним несколько белых пакетов, похожих издали на стадо гусей.

У женщин, заходящих с жары, мокро между лопаток.

У церковного прилавка мама с мальчиком и старый дядечка. У мальчика оторвалась маленькая пуговичка, через минуту у дядечки из кармана выпала булка.

Молодые липы трепещут листвой на вечернем жарком ветру.

Когда под ветром ель и береза шевелятся, видно, что это два дерева, разных не только по форме, но и по содержанию. Как будто и человек бывает более лиственным, либо хвойным.

Большая чайка взлетает из мокрой травы. Чайка до чего большая, шею вытянет – как гусь.

Бабушки у канона говорят о недавно умершем священнике: ему теперь ничего не надо. Ни есть, ни пить – ничего не надо. Жалко, – говорит другая. – Конечно, жалко, не то слово, жалко!

Ну вот и ветер, от предчувствия которого у меня щемило сердце. Но вот ветер поутих, и его защемило снова.

Девушка у кладбища фотографирует собаку: усадила ее так, чтобы в кадр поместилась цветочная клумба.

Истинное призвание поэзии – утешение.

У женщины высыпались монетки, и раскатились по камню.

Розовая девочка с игрушечной коляской. Приходят на ум: игрушечный гробик, игрушечный катафалк.

На могильном кресте для священника фамилию поставили в скобки, а так, оказывается, делается только для монахов.

На трапезе заговорили про медуз, что, оказывается, врагов у них нет, а они все ядовитые. Их враг только море, выбрасывающее их на берег.

По нестриженной траве ходить мокро.

Юноша в церкви кланяется так низко, что между расставленных ног показывается его перевернутое лицо.

Трава разрослась в получеловеческий рост.

Вздохмаченное небо.

Женщина спросила про икону: а кто это с крыльями? – И произнося «с крыльями», помахала руками.

Кто-то разорвал исповедальную записку о грехах и выбросил в урну а ветер разметал обрывки по площади. Я их собрал, скомкал получше и бросил обратно, а ветер снова разметал и расправил.

Мужчина объясняет дочке лет восьми-десяти: он отдал сына, чтобы люди его растерзали – искупил грехи человеческие.

На отпевании мужчина фотографирует покойную в гробу на телефон, издающий звук капающей воды.

Слушая шум деревьев, я подумал, а шумят ли деревья зимой? Или лишь ветер шумит, а деревья молчат.

Папа присел на корточки, фотографирует снизу вверх сына, играющего на скрипке на фоне церкви.

Настоятель в проповеди сказал, что Предтече усекли главу «по прихоти какой-то *плясуньи*» \

Опять с неба сыпется это слабое подобье снега, и даже не тает, а остается, покрывая землю белым налетом. Кажется, что сейчас полетят листья, и опадут на снег. И опять пойдет снег, и укроет листья.

Теперь вместо снега хлещет по лицу холодный дождь.

Первые сумерки со снегом: земля светлее неба.

Холодный глаз прожектора.
Медленно падающий снег.
Медленно ползущие зимние облака.

Высокий и уверенный в себе
мужчина с твердой
походкой и охапкой толстых
свечей. Его походка означает,
что он здоров, хорош собой,
успешен, ходит, ставит свечи
и приложил к иконе медный лоб.

У стола для записок долго сидит негритянская девушка с грустным лицом.

Таня заметила на краю паперти пятна крови. Я связал это с тем париком, что утром обнаружил у входа. Шла ночью пьяная, споткнулась, разбила голову, потеряла парик.

У некрасивой девочки забавные маленькие фигурки: тоненькая балерина, а другая, кажется, продавщица овощей. Мне показалось, у нее в руках маленькая морковка.

Играла в свои фигурки, присев у записочного стола.

Опадет, затвердеет, сожмется

*И так идет за годом год, так и жизнь пройдет,
И опять маслом вниз упадет бутерброд.*

В. Цой

*На плите подле меня лежал недоеденный бутерброд: глупо, не к месту. Скинул его на землю, так как это не хлеб, а лишь бутерброд.
Ф. М. Достоевский «Бобок»*

Часть первая: опадет

Одинаковый звук

Славик купил у Т. картину – и мы купили новый диван.

Машины, проезжая под окнами, наезжают на люк, производя одинаковый звук.

Кривые деревья на Петроградской, как будто для лазанья по ним.

Трамваев здесь не слышно, на Литейном бесшумные рельсы.

Съехал

Любин пиджачок нашли. Вчера на молебне перед началом учебного года исчез Любинькин пиджачок. И вот звонок, ночью, я уже сплю. Люба вспомнила, что пиджачок она вешала в шкаф. Я посмотрел – лежит пиджачок, с вешалки съехал. Маша с Колей пришли за пиджачком.

Я немножко даже переживал: когда-то, тоже в мое дежурство, пропала Любинькина коляска.

Один для другого

Сегодня вышли с Зинаидой Ивановной, любимой уборщицей. З. И. рассказала, как были в Вырице. «Почему в Вырице? Ах, в церкви...» Они туда ездили вместе с другими бабушками. Рассказала, как сперва никого не было, а потом батюшка вышел, и другой батюшка приехал, из другого храма. И стал один для другого – акафист служить. А мы все на коленочки встали.

Рома и Витя

Настя рассказывала про безбашенного Рому. Рома хотел во французский легион. Его не взяли из-за татуировки (у него от армии осталась).

Рома работает на дробильной установке. Это вредная работа из-за вибрации и облучения. Лет через десять будет большая пенсия. А Рома работает с шестнадцати и успел в Чечне побывать (добровольцем). Рома любит быть в центре событий и ищет приключений. Природу

он тоже любит. Они гуляли везде с Настей и Сашкой. А Витю хотели выгнать с работы – он перегулял отпуск. Настя заступилась за Витю, и после этого отношения стали нормальными.

Взаимная седина

Седина уже хорошо различима в книжных витринах.

Утром, моя пол, врезался башкой в пианино. Что-то подобное было со Славиком в день нашего последнего приезда в Москву. Только он врезался... в стул. Он тоже мыл пол, а стулья на это время подвешивал к стенке.

Пока я пошел в рыбный магазин, Танюшку с Тимошей подхватил пьяный, примерно моего возраста. Смотрю, идут мне навстречу. Потом пьяный зашел в рыбный, заговорил о рыбе с покупателем. Но мирно. Он оказался коротко знаком с продавцом. За рыбой стояла очередь. В коротком разговоре с ним фигурировала взаимная седина, взрослая дочка. Захотелось ребенка, говорит, подержать за ручку.

Догулялся

В Таврическом саду меня посетило религиозное чувство. Выходил из дома я еще в дурном настроении. И подходя к детской площадке, подумал: ну вот, поздно пришли. Вот так же приходишь на дежурство, и поначалу угрюм. Но все же, когда вокруг играют дети, а прогулка наша длилась, как церковная служба – это в конце концов умирительно действует на душу. И настроение совершенно меняется. И вот догулялся до просветления.

Прощальная улыбка осени. Скоро все опадет, затвердеет, сожмется.

От деревьев или цветов

В Парке Победы пахло вчера очень здорово. От каких-то растущих там деревьев (или цветов, как предположила Танюшка).

Ожидается Славик. Он сказал по телефону Танюшке, что они с Наташей приедут на фестиваль. Теперь мы по афишам угадываем приезд.

Родители в театре. У них куча денег, они кучу всего обновляют в доме. И привезли из отпуска клюквы, меда, грибов.

Показывает и сравнивает

Вот и повидали Славика, слушающего оперную музыку. Славик показал, как N резко запрокидывает голову, запивая щи водкой. А себя он сравнил с разболтавшейся центрифугой. Показывал, как он вертится. Вообще, Славик хорошо показывает и сравнивает. Жаловался на жизнь, выражая желание жить по-другому, пел дифирамбы Танюшкиным нарядам, а про картины сказал, что в них есть что-то зловещее: «Эти куколки» – и показал.

А Танюшка сказала, что он зеленый, пугающе-бледный.

Славик снова звал в интернет, чтобы плотнее общаться.

Чему подобно промедленье?
Ему подобье ни к чему.
Его живое проявление
Приятно сердцу и уму.

К чему куда-то торопиться?

Былой стремительности нет.
Без крыльев – человек не птица,
Тот, кто не медлит – не поэт.

Необычно тепло для этого времени года. В окно видны оголенные парочки, как летом. А дома скорее дубак, не топят. И похолодает, наверное, резко. Ничто подолгу не удерживает.

Славик перешел на классику. И на здоровье жалуется, сравнивая себя с центрифугой, которая разболталась. И показывает, как она вращается.

На углу Жуковского и Восстания стоит Славик и крутит пальцем в воздухе, пока Митькина Наташа покупает в кондитерской сладости им на вечер.

Неподвижно, молча и ревниво

В начале девяностых в электричке я стал свидетелем безобразной сцены: схватки женщины-контролера с целой толпой пассажиров, пробивающихся к выходу. На резкое падение уровня жизни народ отреагировал мелким непослушанием на транспорте.

В темноте, в сумраке пишется уютней, приятней. Не знаю, уж там чего можно насочинять белыми ночами.

Девушка стояла неподвижно, молча и ревниво.

Троллейбус

Сегодня настоятель отвез нас работать в Лавру. В новой машине меня укачало.

– Да, Димыч, тебе что-то пожестче надо.

– Троллейбус.

В Лавре

Не холодно, но темно очень. Жолто. Еще и зелено кое-где. Трава зелена. Хорошо видна с крыши. И листья многие. Но уже очень *глухо*. Силы куда-то делись, на зиму скрылись.

Миша квасил

Всю ночь дождь. С вечера приплюснутая луна в алтарном окне.

Ну и лунища! Умерла еще Аня-блондинка, молодая, из кризисного центра. От рака печени. Печень не пересаживают.

Лунища зверская. Вчера на смене Миша всю ночь не спал, ворочался, и сегодня весь день квасил.

Детская площадка в Таврическом завалена сухой иглой – лиственницы опали.

Маша звонила. Они переезжают. Герд имеет новую работу.

На тоненькой ниточке

Маша Б. недавно родила. Оказывается, девочка шестипалая. Я у Тани спрашиваю: А как это выглядит? Она говорит: Это не палец. А папилломка... на тоненькой ниточке, – На ниточке? – И девочку прооперируют, – И что останется? – Рубчик.

Бедный ребенок

Настя рассказала, что Кристина сделала кораблик из пластилина и желудей – он развалился, и она весь вечер прорыдала.

Побесятся и уснут

Теперь у Тани две подруги Марины, у них по двое детей. У одной двойняшки, а у другой Лелик и Даня. Лелик похож на будду. Эта Марина безумная, а другая нормальная. Единственная ее странность – православность. Таня консультирует ее по вопросам веры. И не столько она сама такая, сколько ее муж.

А муж другой Марины (безумной) с ней не живет. Только ночует. А за деньгами она к нему сама приходит, оставляя детей дома одних. Вечером, она говорит, устаю от них, не знаю, что с ними делать, они побесятся и уснут.

Девушка ушла

В кино у Митьки телефончик с голубым экраном. Сначала он им как фонариком светил (мы слегка опоздали). Потом, во время сеанса, он пару раз доставал свой «фонарик», но звонка я не слышал, видно он вибрировал у него в кармане. Справа девушка болтала, а Митька не болтал, а приглушенным голосом шипел: яшфкино. Кино еще не кончилось, а девушка ушла.

В Лавре

Сегодня я видел солнце. Я думал, его не увижу. На южную сторону выходят окна Лавры. Я склонился с лесов, почти свесился, и увидел его, тоже склонившееся и наткнувшееся на густо посаженные деревья.

Вместо одиннадцати положенных ударов что-то невразумительное звякнуло в соборе.

Мозг усыхает

Она сказала: «Вы видели? Она его в платье привела, ему нужно косу заплетать – его нужно в специализированный садик отдать. Но вы-то нормальная? Но вы-то подстригите своего – тогда и она своего подстрижет». «Нет, – отвечает Таня, – знаете, мне кажется, это не подействует». «Но мы же в обществе живем». «Ну, может быть, про общество говорить не стоит...» «Если б я знала, что здесь такая мама будет, я бы не пошла сюда воспитательницей!»

Потом Таня разговаривала с другой воспитательницей, Светланой. Когда они остались вдвоем, Таня сказала «Марина» и больше ничего не успела прибавить. Светлана вся оживилась и сказала: «А, да, ну вы же знаете, у женщины после родов – мозг усыхает.

Ну, что женщина рискует, когда рожает, и что это даром не проходит».

Таня говорит: «Я не поняла, это вы про то, что Марина странная?» А она ей показывает руками, что мозг вот такой – а после родов делается такой.

«А Нина мне как начала, что надо его в другой садик перевести, Нина! Ты мне это брось, тут грубо нельзя. Вы посмотрите, как она их одевает, такая любовь во всем. А остальные-то дети неухоженные. Как они к детям своим относятся, которые считаются нормальными?!»

Из Лавры

Когда расходимся из Лавры, около пяти, бьют колокола. Когда идешь с внешней стороны, звон идет от деревьев, и кажется, что колокольня вон там, в лесу. А потом выходишь на мост через Монастырку, и звон меняет направление. Блуждающий звон среди темных деревьев.

Вторая лужа

Ходили в гости к Митьке. Митька недавно отремонтировал квартиру. В его личном кабинете ремонт еще не закончен.

Дамы любовались гардеробной. Оказывается, Славик болел вовсе не отитом, а более страшной болезнью, связанной с провалами зрения. Он в прошлый раз признавался, что иногда не видит какой-нибудь сектор, а потом, спустя какое-то время, сектор возвращается. Он говорит, что в первый раз испугался, а потом привык, и спокойно ждет возвращения.

Мы зашли в комнату. В комнате стоял такой гладкий журнальный стол. Тимофей опрокинул вазу с цветами, залил его водой. Я вытирал, выжимая тряпку в фольговую тарелку.

А Славик сел в углу и стал делиться своей болезнью.

Наташа объяснила его хворь переживаниями из-за нее.

Летом Славик похудел на 15 кг.

Славик играл с Тимофеем. Тимофей раскраснелся и кричал, потом описался. Опрокинутые цветы стали уже второй лужей.

Она нас убьет

Рассказывали Славику про Марину. Славик спрашивает, не боимся ли мы, что она нас убьет, чтобы взять Тимошкины вещи и одеть на своих детей.

Но Марина не пришла, пришла Люда Стар. С Людой стали пить Мизин спирт из Тимошкиной мизерной посуды.

Когда луна встречается с луной
У солнца за обугленной спиной,
Луна, наверно, говорит луне:
Здесь что-то, дорогая, не по мне.
И слышится затверженный ответ,
Что не сошелся клином белый свет.

Забудь светить всегда, светить везде,
Зыбучей уподобиться звезде;
Запомни раздуваться в адский шар,
Чтоб сеять людям в головы кошмар,
И, убывая, искривляться в меч,
Чтоб вовсе эти головы отсечь.
Изменчивы и холодно бледны
Застенчивые сестры, две луны.

Тоненьким голоском

Сегодня Марина была. Раздался длинный звонок. Я почему-то решил, что пришел какой-то ебнутый сосед, может, оттого, что вечером видел одного соседа, выносившего мусор. Я даже, открывая дверь, встал отчего-то боком, как дуэлянт.

А там стоит какое-то маленькое существо, шапка напялена почти на глаза, и тоненьким детским голоском спрашивает Таню.

А Таня еле ползает.

Часть вторая: затвердеет

Сегодня встречаю в Академкниге А. Приятно встретить знакомого человека. Но он отчего-то не очень рад. Чем, спрашиваю, занимаешься? – Так, пишу, перевожу. А ты? – Строю, сторожу – ответилось в рифму.

Вчера приходили Пасхальные гости Игорь с Аней. Выяснилось, что Анина мама из Закарпатья, и она приносила пасху и куличи, а Игорь все это осмеивал.

Тимофей забастовал против гостей, назвав их какашками и даже кинувшись в них предметами, правда, мелкими и промахнулся.

Пришлось играть неуютную роль твердого отца.

Сегодня в садике нянечка спросила их с Мариной: Вы дружите? – Да, дружим, – Хорошо. Вы друг другу подходите, – Почему?

Нянечка мялась, потом говорит: *Ненлебеи*.

В своем любимом магазине Таня встретила Ирину Алферову. Та была в больших темных очках (чтобы ее не узнали). Таня ее сразу и не узнала. Сняла с вешалки сарафанчик и спрашивает: Мило, правда? – И смотрит на нее, а та с ужасом смотрит на нее: вдруг она ее узнала?

Вчера Танюшке везло на мужичков. Первый заговорил с ней в садике: А вы кого забираете? А я сам ходил в этот садик. Тридцать пять лет назад, – И что здесь изменилось? – А ничего. Я заглянул в окно: те же рукомойнички.

Мужичок был симпатичный. С ним была подруга. Т. сказала, на жену не похожа, похожа на подругу.

Через 300 метров другой. Этот пожилой. У него четверо детей. Дети взрослые. Этот сказал: Главное, чтобы жена в тебя верила. Если бы моя в меня не верила, разве она родила бы мне четверых?

Он позвонил сыну, договорился приехать, а того нет дома... Расстроен.

Третий ебнутый паренек. Или очень ленивый. Этот у «Полушки»: Не подскажите, как как пройти к дому номер такой-то. Танюшка рассердилась: Вон, на той стороне табличка, перейдите улицу и посмотрите.

Паренек не пошел, стал еще у кого-то спрашивать.

День ото дня Таня рассказывает все более дикие вещи. Сегодня про подругу Марины (Марина ходит к ней ночами поговорить).

К ней муж приходит поесть, а денег не приносит. И секс с ним продолжается пять минут. Так вот, она нашла себе мужичка и так крепко поцеловалась с ним, что он кончил прямо в штаны. И бежал.

Теперь она готовится придти к нему, он один живет, и привязать его веревкой к кровати. Со свечами, – Свечи зачем? – Для романтики. Зажечь везде свечи. Еще она берет взбитые сливки —?? – Чтобы обмазать ему член и отсосать. Ей противно это делать иначе, а она обязательно хочет.

Дождь. Красиво. Мокрая крыша собора, темно-коричневая. Зазеленевшие уже по-весеннему липы и другие деревья заслонили собор. Такие вот тексты уже можно помещать в учебнике «Русского языка».

Таня сидела с Леликом, меняла ему памперс, мыла попку. Он боится воды и, когда мылся, весь трясся и нервно смеялся.

Вчера в церковь заходил интересный мужик. Бомжом его не назовешь. Так вроде щуплый, ну и кулачищи были у него. И пьяный, конечно, и вонючий. Он странно себя вел. Он подмигивал. И на иконы смотрел так, будто ждал, что они тоже ему подмигнут.

В центре города ночью тихо почти по-дачному.

Марина сказала: «А я люблю, что слышен шум поездов, у нас в Туле окна выходили на железную дорогу, высунешься в окно, а там поезда».

Вроде, как сделали новое покрытие, не так наезжают на люк. Или это были разные люки? (на площади много люков) Нет этого узнаваемого бряканья чугунной крышки.

И уже ни малейших белых ночей.

Марина, оказывается, спросила: «А почему Дима сказал „Спокойной ночи“, а вышел на улицу?» Таня ответила: «Он не мог спокойно смотреть, как ты кормишь Лелика». Марина скармливала ему мясо с тарелки и давала запить молоком, приговаривая: «Жуй, Леля, жуй». А у Лели слипались глаза и челюсти еле двигались.

В городе сразу после приезда особенно заметно, какие недачные у людей лица.

Почти немой

Настя постепенно толстеет. Она готова бросить Ромика. У нее теперь наклонился другой. Этот по интернету. Он некрасив. Занимается бизнесом. Она хочет привести его к нам, чтобы мы его раскусили. А Ромик стал пить мало и сделался совсем неразговорчив. Почти немой. И постоянно у него плохое настроение.

Стянула носки

Таня заходила в старый садик, болтала с няней. Это с той, что сказала про них *неплебеи*, выглядит на 80 и носит мини-юбку. – Мини-юбку?! – Ну выше колен, и босоножки, и увидев меня (Таню), стянула носки, демонстрируя педикюр.

Деревья выросли

На дачу приезжал дядя Саша, и даже оставался ночевать на веранде. Саша привез крыжовник. За ужином заговорили про крыжовник, что он раньше везде рос, и рос прекрасно в тени, – говорит Таня, а Мизь: тогда тени не было, всюду было солнце – сейчас деревья выросли.

Что же, дождь так и не пойдет? И город утонет в торфяном дыму.

Убили японского рыбака (у Курильской гряды).

Собственник

Пришел Мась: «Это вообще-то мой стол».

В этой тетради, кажется, ни одной утренней записи.

Дождя так и нет, на редкость сухой август. Прошлый, если перечитывать, отличался ветрами.

Толя сварил

Толя рассказывает, как он трудился в сварочном цеху. Варил решетки из арматуры, а в соседнем цеху, кузнечном, делали для него заготовки, и там был хохмач. И Толя варил очень быстро, чтобы пойти хохмача послушать. Кузнецы говорят: «Иди, вари, сейчас начальство придет». А Толя им: «Я уже все сварил». Те не верят. Один сходил посмотреть. Толя даже план нарисовал, как у них цеха располагались. И показывает, как он шел, каким маршрутом. А Толя слышит, как он зашел к нему в сварочный, посмотрел и пошел обратно в кузнечный. Идет по коридору и «еб твою мать, дурак! Еб твою мать, дурак! Зачем все сварил? Мы на три дня заготовок наделали – он все сварил! Еб твою мать, дурак!»

Лябзики

У Рильке про полнокровного человека, про которого думали – он румянится.

Хорошее имя Броун – для кого-нибудь непоседливого.

Вот бежит человек: это он торопится или это у него ради спорта?

Пророк сегодня рассказывал, он делал руками так, будто что-то мнет в них, и говорил: «Господь ведь тянет из людей душу» – и становилось наглядно. А потом он сказал: «Лябзики, – Что? – Лябзики, – А что такое „лябзики“? – Ну, мякиш хлебный.»

«Шарики из хлеба,» – подумал я.

Вчера купил толстого Фета. Сегодня читал его в церкви, стыдливо обернув белой бумагой.

Толстой в письме называет Фета толстым добродушным офицером.

Маша дала мне попробовать настоящий горький шоколад. Она его ест, чтобы не раскиснуть.

Часть третья: сожмется

По поводу воды

За ужином между Мизем и Танюшкой разгорелся спор, как правильно разогревать макароны: на масле или на воде. Таня настаивала на воде, и тогда спор по поводу воды: Таня налила воду на холодную сковородку, а Мизь настаивал, чтобы она нагрелась, и вода закипела – как делала бабуля.

Ромик не тратит, Лелика не берет

Марина страдает. Она отдала старшего Даню в семью мужа, и осталась с Леликом. Даню в конце лета подстригли и перевели в другой садик. А Лелика в садик не берут, ему еще нет трех. Так Марина вынуждена была оставлять Лелика дома на целый рабочий день (она устроилась продавцом).

А Сережа снова принимает наркотики. Но она все равно хочет за него замуж, чтобы матушка его, которая тоже этого хочет, купила ей фату. На свадьбе с Толей у нее не было фаты, родители были против, и свадьба была без всего.

Таня поговорила с заведующей, и Лелика взяли в сад. Разговор закончился Таниным: «Вы человек!»

Новые подробности истории с Ромиком: Ромик не тратит своих денег, живут на Настины. Настя получает зарплату – они куда-то идут, а так Ромик сидит дома, мама его кормит, он все время молчит. Мама от этого сама не своя: «Я больше не могу! Когда он уедет?!» Бабушка говорит, что он по-прежнему квасит. Вечером приходит Настя, и они пьют.

Говорю: рюкзак

Человек мычит, ничего не помнит, слова забывает, за спину себе показывает – там рюкзак, а *слова* не помнит. Я ему говорю: рюкзак. Он кивает: рюкзак! Я ему слово напомнил. Выглядит человек хорошо, но ничего не помнит.

Бедный ребенок!

Во время венчания девочка мелкая, дочка жениха и невесты: бабушка внесет ее в церковь – она в рев, вынесет – успокоится. А девочка была похожа на казашку (в маму, а папа русский). И так девочку вносили-выносили. Она уже всхлипывать стала, как я в детстве. Бедный ребенок!

От рук белокурых подростков

У Тани сидит Марина. Рассказывает. Ест чечевичный суп.

В Кондопоге война с черными. Первый звонок для всех таких, включая и мою нерусскую внешность. Утром всерьез рассматривал возможность смерти в электричке от рук белокурых подростков. Иногда мне казалось, что я смог бы им что-то объяснить, но посмотрев по TV на лица из Кондопоги – переменял свое мнение.

Ой, Сашка

Танюша ищет, что надеть на награждение. Мизь, глядя в окно: «Ой, как ужасно, какие крыши ржавые». Мама зашла с Сашкой рассказать про Настю Витю Рому Сашку. Сашка заболела нервной болезнью. У Вити на даче злая овчарка покусала Витину подругу на глазах у Сашки. Плюс Ромины припадки. Витя с Настей при ней кричат. Сейчас Сашка пошла в первый класс. Мама пришла за ними в школу послала Кристину за Сашкой. Кристя пошла в буфет, купила сладостей, приходит. Мама: «Кристина, где Сашка? – Ой, Сашка,» – и собирается снова за ней идти. «Нет уж, я сама за ней схожу».

Голос подземный

Обдумывал неудачу с Наташей: не отношений неудачу, а описаний.

В церкви слушал по радио про китайцев, что они живут настоящим, не как индусы, стремящиеся в nirвану – и отсюда чайные церемонии.

У скрещения Мойки с Фонтанкой уровень воды поднялся. У «чижика» голый человек нырял, наверно, за деньгами. Несколько зевак смотрели. Я тоже невольно остановился.

Иду дальше: авария на теплотрассе, разрыта яма и валит пар.

В воскресенье вечером снова вышел гулять. Тимошка болен, так с ним не гулял.

Пошел вдоль Мойки. В самые сумерки. Вода рябится. По речке изредка катера. Приятно ощущается изгиб, усталость от уличной прямизны.

«Площадь Восстанья, Московский вокзал»,
Голос в подземном вагоне сказал.
Кто-то очнулся.
С места восстал и не может понять:
Голос подземный раздался опять.
Поезд качнулся,
и дрогнул вагон.
Рельсы его понесли под уклон.
Он не вернулся.

Осенняя оса ползет по гранитной плите.

Чернели фигуры

На именинах Вер, Надежд и Любовей я сидел по правую руку от настоятеля. Говорили об именах. Я не говорил, думал. В голове вертелось: «Вера, я вернулся». Но Веры как раз не было, и некуда было в-вернуть.

Славик не знает, кто у него родится. Надеется на девочку.

Сколько раз за день поглядел в окно на лужи?

Шел по мокрой дальней аллее Марсова поля, глянул в сторону вечного огня. Чернели людские фигуры и донесся жареный запах. Так и подумалось: нанизывают сосиски на прутик и жарят в вечном огне.

Поэт, как собачка, помечает место – так я пометил Пушкинский дворик стихотворением «про ворону», а Толстовскую Гаспру стих, «про собаку». А место, где побывал поэт и его не пометил – будь оно проклято!

День был солнечный. С работы я шел прямо на солнце и подумал: вот, если завтра будет солнце в это же время, оно уже будет ниже, нет, завтра еще будет незаметно, вот послезавтра... в общем, шел, овеянный тоской по уходящему солнцу.

Таня и Маша

Таня встретила в Доме книги Машу. Маша держала в руках толстую стопку детских книг. Она собиралась купить все эти книги сыну. А Тане как раз нужна была книга в подарок Ване.

Таня спросила у Маши, что та ей посоветует. Маша с удовольствием стала снимать с полок книги и ей советовать. И Тане ничего не оставалось, как все их купить.

Потом Маша спросила, нет ли у нее телефона. Таня сперва обрадовалась, она подумала, что Маша хочет обменяться телефонами. Оказалось, Маше просто нужен был телефон. Ее английский здесь не работал.

Таня дала Маше телефон. Маша позвонила. Разговор не клеился. Таня извинилась за свою необщительность. Маша возразила: Но ты же ко мне подошла.

Сверчки

Как учил меня Славик девушек соблазнять: удивить, рассмешить и немножечко напугать.

И я сразу же Борю вспомнил с его сверчками! Боря, когда в бане работал, у них сверчков потравили. И вся лестница почернела! Они не мертвые были, они по ней спускались. Бежали!

Я вспомнил, потому что это страшно, удивительно и смешно.

Видал лыжника

Снегу мало, но сегодня в метро я видел лыжника. И лыжи у него были, как у меня когда-то, только серые (а у меня были белые), и я подумал: от времени, что ли, они посерели, вот и лыжник совсем седой, и даже видно, что ходит он, как старик, что на лыжах ему будет проще скользить, чем просто идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.